

Служить народу

Я ПОСТОЯННО вспоминаю мысль Станиславского: современность — это путь из вчера в завтра. В ней прежде всего — требование говорить о современности в ее революционном развитии. Завет великого учителя раскрывает идейную направленность его художественных поисков, нерасторможимость связей с жизнью, питавшей его творчество.

Найденное Станиславским вчера продолжает сегодня быть знаменем нашего искусства. Знаменем, за которым устремляется вперед искусство стран социализма, прогрессивное искусство мира.

Говоря «искусство», я имею в виду не только театр. Станиславский — великий реформатор сцены — принадлежит всем видам искусства. Его теоретические исследования — результат гигантского практического опыта — обогатили драматургию и кино, оперу и балет. А те законы жизненной правды, которые открыл и на основе которых построил свою «систему» Константин Сергеевич, разве они не принадлежат всему реалистическому искусству, не могут быть взяты на вооружение поэзией или живописью?

Величественное здание современного театра выросло на фундаменте, который заложил Станиславский. Но он мог — как много об этом написано, как часто мы, его ученики, это слышали! — совершить свой подвиг только потому, что незримая нить накрепко соединила его открытия с откровениями Пушкина, Гоголя, Островского, Щепкина, Ермоловой, Шалапина.

Задумываясь о теоретическом наследии Станиславского, я всегда вспоминаю, как необычайно точно и последовательно сформулированы Пушкиным принципы реалистического театрального искусства. Сцена из «Каменного гостя», ужиная у Лауры:

Первый гость
Клянусь тебе, Лаура, никогда

С таким ты совершенством не играла,
Как роль свою ты верно поняла!

Второй
Как развила ее! С какою силой!

Третий
С каким искусством!

Какая ясность формулировок! Четкая последовательность звеньев творческого процесса! Прежде всего: «Как роль свою ты верно поняла!» Это начало начал, основа реалистического ис-

Ю. ЗАВАДСКИЙ,
народный артист СССР

кусства. Потом: «Как развила ее!», — ведь без развития сценического образа нет мысли: «С какою силой!». Читай — с каким внутренним наполнением, одержимостью, страстью, душой. И наконец: «С каким искусством!», то есть с каким мастерством. А вот ответ Лауры:

Да, мне удавалось
Сегодня каждое движение, слово.
Я волю предавалась вдохновенью.
Слова лились как будто их рождена
На память рабская, но сердце...

Стремление Станиславского сознательными средствами выразить подсознательное глубоко отвечает этим пушкинским словам.

Художник гражданин, Станиславский был крепко связан с передовой общественной мыслью своего времени. И потому естествен и органичен его приход в советскую действительность. Именно в государстве рабочих и крестьян его творческие искания нашли самое полное и исчерпывающее воплощение.

Когда-то цензурные условия помешали создателям Московского Художественного театра сохранить название «общедоступный». Но и без этого названия он всегда был народным по существу.

То, что происходило на сцене театра, созданного Станиславским и Немировичем-Данченко, всегда было созвучно чувствам и мыслям зрителей-современников. И отнюдь не одним лишь счастливым совпадением можно объяснить то, что МХАТ первым открыл драматургию Чехова и Горького. Именно в этих писателях увидели мхатовцы своих союзников и единомышленников, в их творчестве ощутили большую и глубокую правду времени, всю полноту и страстность лучших идей эпохи. Искусство МХАТа — искусство правды. Так было, когда мхатовцы первыми прочли Чехова и Горького. Так было и тогда, когда впервые со сцены МХАТа устами Пеклеванова и Вершинина утверждалась правда большевистских идей.

Служить народу, стать проповедником красоты и правды — не это ли

прекраснейшая цель для художника? Сразу после революции Станиславский выступил на концерте после собрания легковых и ломовых извозчиков в чайной на Таганской площади с отрывком из «Горя от ума». А. Зюева, участвовавшая в этом концерте вместе со Станиславским, вспоминает, что монолог Фамусова, блестяще прочитанный Константином Сергеевичем, не сразу «дошел» до зрителей, которые до того дня и не подозревали о существовании Грибоедова и его комедии. Возвращаясь с концерта, Константин Сергеевич был очень расстроен. «Надо над собой еще работать, работать и работать, чтобы народ меня понимал... Высшая награда для актера — это когда он сможет захватить своими переживаниями любую аудиторию, а для этого нужна необычайная правдивость и искренность...»

Какой урок для нас! Урок скромности и требовательности. Какой урок для эстетствующих модернистов всех мастей и оттенков, отвергающих суд зрителей, ставящих себя вне их интересов, вне нужд народных.

Мы должны уметь, так же как он, чутко слушать пульс времени. Мы должны, так же как он, постоянно искать, не успокаиваясь на достигнутом. Станиславский был весь порыв, движение. Режиссер-реалист, он был подлинным новатором в творчестве, он был преобразователем. И оттого так нелепо выглядят попытки превратить его «систему», устремленную вперед, в нечто незбываемое и неподвижное, в догму.

Учение Станиславского — опора для познания средствами искусства мира и человека. Нигилисты от искусства и нынешние молодые скептики-недоучки нападали на Станиславского, будто бы «связывающего» своей «системой» свободу творчества. Однако тот, кто отрицает «систему», неизбежно приходит к отрицанию искусства жизненной правды, к отрицанию основных законов творчества.

Величайшие достижения современного театра опираются на наследие Станиславского. Они созданы с его помощью, по его заветам. В этом — огромность дела Станиславского. И потому он всегда останется нашим современником. Со Станиславским в мыслях, со Станиславским в сердце создают советские художники искусство коммунизма.

Глубже и глубже постигая труды учителя, каждый из нас должен сохранять самостоятельность в работе, индивидуальность творчества.

Столетие прошло со дня рождения Станиславского. И сегодня, как и вчера, как завтра, мы будем повторять призыв: «Вперед, к Станиславскому!»

